

2. Массаж прекратить!.. А чем же гадину лечить?..

Обдираловку за массаж железы одноглазый эскулап-массажист Хорошев прервал самостийно после восьмого сеанса. Он предложил Казанову продолжить лечение проскаром и приобрести у него сей дефицитный препарат поштучно: по десять таблеток, завёрнутых в туалетную бумагу. Однако Казанов без тени упрёка заметил, что уже купил то же снадобье в стандартной упаковке в аптечном киоске БСМП — больницы скорой медицинской помощи Красноенисейска — вдвое дешевле. И Хорошев мгновенно стал нехорошим, прервав с пациентом дальнейшие контакты угрюмой фразой:

— Тогда в БСМП и лечитесь на здоровье!..

Однако время лечит, и Антон Васильевич по гроб жизни остаётся благодарным обладателю пальца с презервативом и одному из родоначальников нынешних полчищ врачей-рвачей, объединённых круговой порукой с фармацевтическими фирмами. И вдобавок — внутри якобы государственных клиник-поликлиник, сосуществующих с пристяжками с

некими платными услугами. Без них врач-госчиновник не может якобы поставить диагноз и назначить лечение. И потому безоговорочно отправляет угодившего в его хищные лапы очередного лоха с каким-нибудь пустячным прыщом на приём к своим сообщникам по лабиринтам платного обследования. Однако Казанова чутьё не обмануло: регулярный приём иноземного снадобья как-никак привёл мочеполовую систему Антона Васильевича в равновесное состояние. Анализы крови показали, что кончина раком ему пока не грозит. Воспрянув духом, он через пару-тройку месяцев вернулся к нормальному ритму существования. Работал платным переводчиком и платёжеспособным — благодаря банкнотам из сумочки жены — автором книг и публикаций в альманахах. Да ещё и туристом с ежегодными вояжами влюблённой пары по России и за её границы на *мани-мани* из того же источника. Плюс более скромные доходы от использования случайно запомнившихся ему двух иноземных языков в качестве переводчика и преподавателя этих словес на дому. К тому же в секрете предстательной железы для обеспечения живучести хвостатых головастиков в семенной жидкости он давно не нуждался, увеличив ранее численность человечества на две особи мужского и женского рода.

Однако врач Хорошев почему-то дезинформировал Антона Васильевича: проскар и во втором десятилетии двадцать первого века продаётся в России. Только производится он не в Стране восходящего солнца, а в совсем противоположной стороне — в Нидерландах, расположенных на восемь часов ближе к закату небесного светила. Расстояние между столицами этих стран — Токио и Амстердамом, — как много лет спустя, не отрывая зада от сиденья кресла, установил Казанов А. из справок Интернета, — равно 9 288 километрам. Что, как ему казалось, неизмеримо меньше дистанции между его простатой и гортанью, куда он вбрасывал пилюли датского проскара, а потом — тоже датского — поносного омника и вызывающего мучительную изжогу великобританского дуодарта.

Автор этого невесёлого повествования, похоже, отклонился от начального замысла и забежал на год вперёд, перепутав причины и следствия, угодив в некие дадаизм и сюрреализм, в прошлом веке частично перечеркнувшие реализм... Тогда чудаки-*gagaисты*, как он недавно узнал, объявили серьёзных людей *идиотами*. А если ты к тому же человек интеллектуальный, то заслуживаешь

звания подлинного и типичного *iguona*. Автору это определение вполне подходит: серьёзным быть — или выглядеть таковым — порой не хочется. На людях он частенько примеряет и выступает, не являясь интеллектуалом, в мантии идиота-дадаиста...

Итак, двенадцатого декабря 2016 года жена затемно повезла подозреваемого в аденопростатизме Антона Казанова, пристёгнутого ремнём к переднему сиденью, на персональной «Шкоде Йети» по заснеженным улицам большого посёлка с населением в три с половиной тысячи душ в местную больницу. Благо градусник на крыльце дома Казановых показывал всего минус восемнадцать. По сибирским меркам — «ташкент». Однако «Шкода», засыпанная снегом, хоть и имела добавку на английском «*Yeti*», что на русском значит «снежный человек», — но на подсевшем аккумуляторе долго не приходила в чувство, словно южанка, сосланная в центр Сибири. А любимая жена-хохлушка Казанова, внучка украинских переселенцев и коренная красноенисейка, сейчас закалялась и чертыхалась в холодной кабине, пытаясь оживить пятилетнего обитателя снежных гор «Йети» отсосом-подсосом и ковырянием в замке зажигания ключом, словно пальцем уролога Хорошева по простате своего мужа.

А Казанов в это время, учащённо вдыхая-выдыхая морозную стынь и смахивая ладонью в перчатке изморозь с бороды, расчищал от снега улицу перед воротами своего дома пластмассовой совковой лопатой, дабы обеспечить выезд автомашины на оперативный простор. Потом — уже из кабины — сквозь запотевшее ветровое стекло видел, как по обочинам в том же направлении плелись, спотыкаясь и шатаясь в снежной каше, старики обоего пола и матери с детьми на руках и на санках, мотающихся на богатой колдобинами проезжей части. Их обгоняли шустрые ученики с ранцами на спине, боясь опоздать в среднюю школу, находящуюся в относительной близости от больницы, но в километре или более от их домов. Директриса школы, по рассказам Нининой племянницы Насти, установила жёсткую, как беженцам от игловцев из Африки в Европу, преграду: ровно в восемь входная дверь в здание закрывалась. И тогда, согласно инструкции, приклеенной на доску объявлений, опоздавшие были обязаны попадать в школу через другой вход для регистрации и последующего оповещения родителей. Цель простая: пусть родители используют для своих чад испытанный некогда и на педагогах аргумент в виде ремня. А то и более современные меры домашнего насилия.

Однако любой закон можно обойти. И большинство разрушителей, избегнув регистрации за второй школьной дверью,

предпочитали возвращаться компанией от первой ловушки на хату к тем, чьи предки мантулили на «жрачку» порой на двух работах. И не в посёлке, а за двенадцать км от него — в аэропорту, а то и за тридцать — в райцентре. Или и того больше — за полсотни, в крайцентре. На хатах детишки играли или любовались на порнуху на мобильниках и компьютерах, у кого они имелись. Вдобавок курили, забавлялись пивком или самогонкой, матерились, щупали девчонок, радуясь глотку свободы, подаренной детям императрицей-директрисой. А на следующий день в школе вешали лапшу на уши учителям, оправдывая пропуск уроков тем, что заболели или ухаживали за хворыми бабками-дедками.

Казанова же с момента его пробуждения одолевала апатия. Не хотелось ни говорить, ни есть, ни пить. Нина уговорила мужа встать под душ и надеть свежее бельё. словно матросу крейсера «Варяг» перед роковым сраженьем. А потом попросила вместе с ней встать и помолиться перед божницей с тремя иконами из Иерусалима, куда они лет пять назад слетали на сутки из турецкой Анталии. Он молился, привычно произнося в уме, не шевеля губами, «Отче наш» на испанском и английском. Но и после этого настроение у него так и оставалось паскудным. Перспектива погружения в больничные запахи, проверки кровяного давления, расспросов и осмотров врачей, а потом сдачи жидкостей и гадо-стей из своего организма в баночки-скляночки-пробирки с ожиданием результатов анализов может возрадовать разве что идиота. Тем более он уже и не сомневался, что у него рак этой злосчастной простаты, и он не хотел паниковать, как солженицынский Павел Николаевич Русанов из повести «Раковый корпус», и носиться по городам и весям, а там оголять и подставлять свой зад пред светлые очи врачей вроде Хорошева или Донцовой из знаменитой повести, подарившей автору Нобелевскую премию...

Широкая улица вела до окраины, а далее — к месту постоянного успокоения под крестами и памятниками в зарослях сосен, кедров, берёз на пологом просторном подножье таёжной горы, где в стае похороненных сограждан, усеявших подземелья мёртвыми костями за двухвековое существования посёлка, уже забито место и Казанову в изголовьях Нининых многострадальных родителей. Они умерли с интервалом в один день: сегодня мама, а послезавтра — хромоногий папа, балагур и любитель выпить, инвалид Второй мировой, через пятьдесят лет после её окончания. А через полгода и пятидесятишестилетний старший сын ветерана, смолоду красавец и умница, пал не успевшей опохмелиться жертвой «зелёного змия» на крыльце запертого

магазина «Вино-пиво». Сестра, по подсказке знакомых, нашла его не успевший окоченеть труп в позе присевшего отдохнуть на крыльце. Другого транспорта не нашлось, и она доставила братца до опустевшего родительского дома на санках...

За погостом дорога ещё километров семь скакала по бетонным плитам, прикрытым ободраным асфальтом, в другое поселение городского типа. Там два десятилетия назад обосновалась в штабе, казармах, учебных классах, госпитале, поликлиниках и аптеке для детей и взрослых, в пятиэтажках хрущёвок для офицерских семей ракетная дивизия стратегического назначения с упрятыми в тайге бетонными шахтами, хранившими в чреве спящие многотонные ядерные игрушки на благо мира во всём мире. Этим монстрам, слава Богу, не суждено было проявить свою бешеную мощь. Их, по договорённости с США, ликвидировали. Гнёзда-шахты громогласно взорвали, а котлованы закопали. После чего наши орлы-правители пригласили американскую комиссию спецов, чтобы вместе порадоваться безымянным обломкам ядерного «самовластья» и побрататься на банкете. А в штабе, казармах, учебных и вспомогательных помещениях бескровно ликвидированной дивизии по инициативе и при финансовой помощи генерал-губернатора Александра Лебеда, погибшего в авиакатастрофе питомца Рязанского училища ВДВ, ныне обосновалось «племя младое, незнакомое» кадетского корпуса. Директор корпуса, полковник Василий Кравченко, годящийся Казанову в сыновья, на военные праздники иногда приглашает Казанова как живой раритет — казанского кадета времён Великой Отечественной войны. А потом, после окончания семилетней учёбы в Казанском СВУ, — и юнкера-курсанта Рязанского пехотного училища. Через семь лет после того, как на плечах Казанова засверкали лейтенантские погоны, Рязанскую «пехотку» превратили в вздвзшное высшее командное учебное заведение. Его через семнадцать лет после Казанова окончил лейтенантом Александр Лебедь, ставший генералом, а потом и генерал-губернатором Красноярского края...

Миновав одноэтажный, похожий на обновлённый поверх красного кирпича сайдингом барак, Дом культуры посёлка, приютивший под свою крышу и скромную по своему книжному фонду библиотеку, машина приблизилась к повороту направо. И Нина едва успела затормозить и не врезаться в правый борт белой «Лады». Та выскочила слева, словно из-под земли, поперёк улицы и устремилась по спуску между домами проулка тоже к больнице или мимо её — к филиалу Сбербанка. Нина чертыхнулась и

последовала за нахалкой в лощину, откуда начинался подъём к цели поездки. И уже одолела десяток метров вверх, когда блондинка «Лада» вдруг стала пятиться со середины горы, словно хотела подставить свой зад для поцелуя с серой «Шкодой Йети».

«Включай задний!» — хотел было гаркнуть Казанов, давно списанный в запас взводный. Только бухгалтерша Нина — водитель с десятилетним безаварийным стажем — среагировала мгновенно, и «Шкода» успела отпрянуть назад, в ложбину, и снова оказалась на спуске с улицы. А испуганная «Лада» приостановилась, задним ходом пристроилась к воротам дома на дне лощины и покорно заморгала поворотниками, уступая дорогу и признавая преимущество иномарки над отечественным изделием.

В этот миг взгляд Казанова остановился на профиле жены. И вся горечь этого холодного утра растворилась в его сердце, мозгу и прочих, не учтённых физиологами и поэтами, органах от томительного обобщения. И за что же ему, супостату моралистов, прошедшему бесчисленные ступени чистых и постыдных эпизодов и испытаний грешнику, досталась такая божественная, красивая и душой, и телом, спутница жизни?.. А он, пусть и невольно, обрекает её на мучительную боязнь за его здоровье и продление никому, кроме неё, любимой и обожаемой все тридцать лет совместной жизни, не нужного существования... А может, ему дарована судьбой та единственная любовь, которая преодолевает нередкие приступы отчаяния в моменты, когда смерть кажется единственно приятным избавлением от всех проблем? Однако если бы не эта любовь, он бы так и не узнал, что такое жизнь...

Белокаменная больница, построенная в незапамятные времена, приятно удивила Казанова своим внешним обликом и не менее внушительным интерьером. Широкий коридор, застланный мягким линолеумом, высокие потолки с люстрами, необъятные окна с видом на покрытые инеем кедры и сосны в свете медленно просыпающегося декабрьского дня. Тепло, светло, чисто. И важный и сытый кот в белой шубейке, дефилирующий вдоль коридора с хозяйским видом. На жёстком полированном диванчике в коридоре из разговоров со старожилками выяснилось, что три года назад эту больницу, построенную в середине девятнадцатого самодержавного века богатыми хозяевами стеклозавода, олигархические власти хотели прихлопнуть. Вспыхнула стихийная буча, боевая и кипучая, поддержанная всеми пролетариями-пенсионерами. И вместо ликвидации на волне модернизации

произошла метаморфоза, и больница была подвержена продолжительному и дорогому ремонту, длившемуся два или три года. И всё это время больные обоих полов и многочисленных возрастов были вынуждены ездить в райбольницу за тридцать километров от посёлка в основном не дешёвым рейсовым транспортом.

А сегодня всеми формальностями по прикреплению Казановых к данной больнице занималась Нина, привычная по своей недавней работе главбухом к выкрутасам нынешней бюрократии. Медведевской модернизацией и урбанизацией два десятилетия камуфлируется курс на уничтожение русской деревни. В этом Казанов убедился, побывав в начале нового века на месте своей родной деревни в Татарстане. От бедняжки из ста восьмидесяти дворов перед началом Великой Отечественной войны осталось четыре дома. Ворота и окна одного из них были наглухо заколочены, а в трёх других проживало четверо несчастных, забытых Богом и властями стариков. В непролазных зарослях ивняка и чертополоха Казанов и не пытался отыскать следов от избы. Под её соломенной крышей он и родился на ржаной подстилке случайным голубоглазым белоголовым пацанчиком-подкрапивником в первой трети прошлого века.

Нечто схожее Казанов уже видел, когда на теплоходе «Близняк» с приключениями проплыл от Красноярска до Туруханска и обратно с известным амурским, благовещенским, иркутским, как его именуют биографы, и уже покойным писателем Борисом Ивановичем Черных. По молодости он отстрадал пять лет в лагере политзаключённых на реке Чусовой в Пермском крае якобы за чтение запрещённых коммунистами писателей — Платонова, Ахматовой, Бека и других. Легко отделался Боря: с его дедом, георгиевским кавалером, урядником Дмитрием Лаврентьевичем, чекисты не чикались: поставили к стенке и расстреляли в 1927 году.

Хотя сам Борис за потреблением коньяка в каюте Казанова на борту «Близняка» озвучил иную версию своих злоключений. *Пятерик* он схлопотал не за любовь к запретному чтению, а за сочинительство письма в ЦК КПСС накануне очередного съезда отборных партийцев. От имени молодых иркутских коммунистов он наивно предлагал омолодить состав Политбюро. Тогда эту кремлёвскую контору обжили дряхлые старики вроде Брежнева, Андропова, Суслова, Черненко, и крамольное послание им, конечно же, пришлось не по вкусу. И Бориса Черных, посягнувшего на святая святых — ленинское партруководство, в арестантском вагоне доставили на Урал, в пермский лагерь

на Чусовой. Где и упрятали одуматься в камере с Павловским и другими пагубно мыслящими недавними коммунистами.

Тогда как Александр Солженицын, ранее прошедший войну артиллерийским капитаном, отрубил восемь лет в сталинской шарашке. А после, уже отпущенный на свободу, сочинил «Раковый корпус» — повесть, опубликованную вопреки советской цензуре на Западе. За что автор расплатился насильственной высылкой во Францию. А потом всем ведомый изгнанник проживал и писал о сталинском ГУЛАГе в американском штате Вермонт.

Казанов, прочитав многие годы спустя биографию Солженицына, обнаружил, что в те же годы работал относительно близко от своего тезки — на острове Свободы, в кастровской Кубе, в маленьком городе Моа. Здесь, на никелевом комбинате, построенном американцами, заправлял сектором в проектно-отделе из командированных из Союза русских специалистов — электриков и автоматчиков производства. Казанов свободно говорил на английском и испанском, поэтому к его сектору прикрепили двух кубинских инженеров-стажёров. Они два года назад окончили университеты на острове Свободы: Луис Рамирес — в Гаване, а Рене Эрера — в Сантьяго-де-Куба. Луис стал Казанову другом и надёжным помощником и как инженер, и как соратник по совершенствованию английского и испанского в вечерней академии иностранных языков. От Рене же — забавного, дипломированного вроде бы мулата — пользы было не больше, чем от козла молока. Среди заводских любителей он котировался заядлым шахматистом и картёжником, которого медики периодически отправляли на профилактику в дурдом, замаскированный во фруктовой роще в нескольких километрах от его универа. А после выхода на свободу он снова воображал себя роднёй и преемником великого соотечественника — гроссмейстера Хосе Рауля Капабланки, третьего в истории чемпиона мира по шахматам. Пока же он просаживал всю зарплату в карты и стрелял песо на еду в заводской столовой, забывая отдавать долг, прикидываясь впавшей в беспамятство жертвой *manicomio* — дурдома. А Казанову, как непосредственному *jefe* — начальнику, преемник Капабланки признался, ткнув пальцем в ширинку, что красотки любой расы его не интересуют: «*Porque la polla mia no funciona*». В переводе на русский: «Потому что мой цыплёнок не функционирует». Казанову оставалось только развести руками и признать свою несостоятельность. В техническую программу, подписанную им с кубинской стороной, восстановление функционирования «цыплят» его коллег не входило.